

А.С. ПУШКИН

СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ

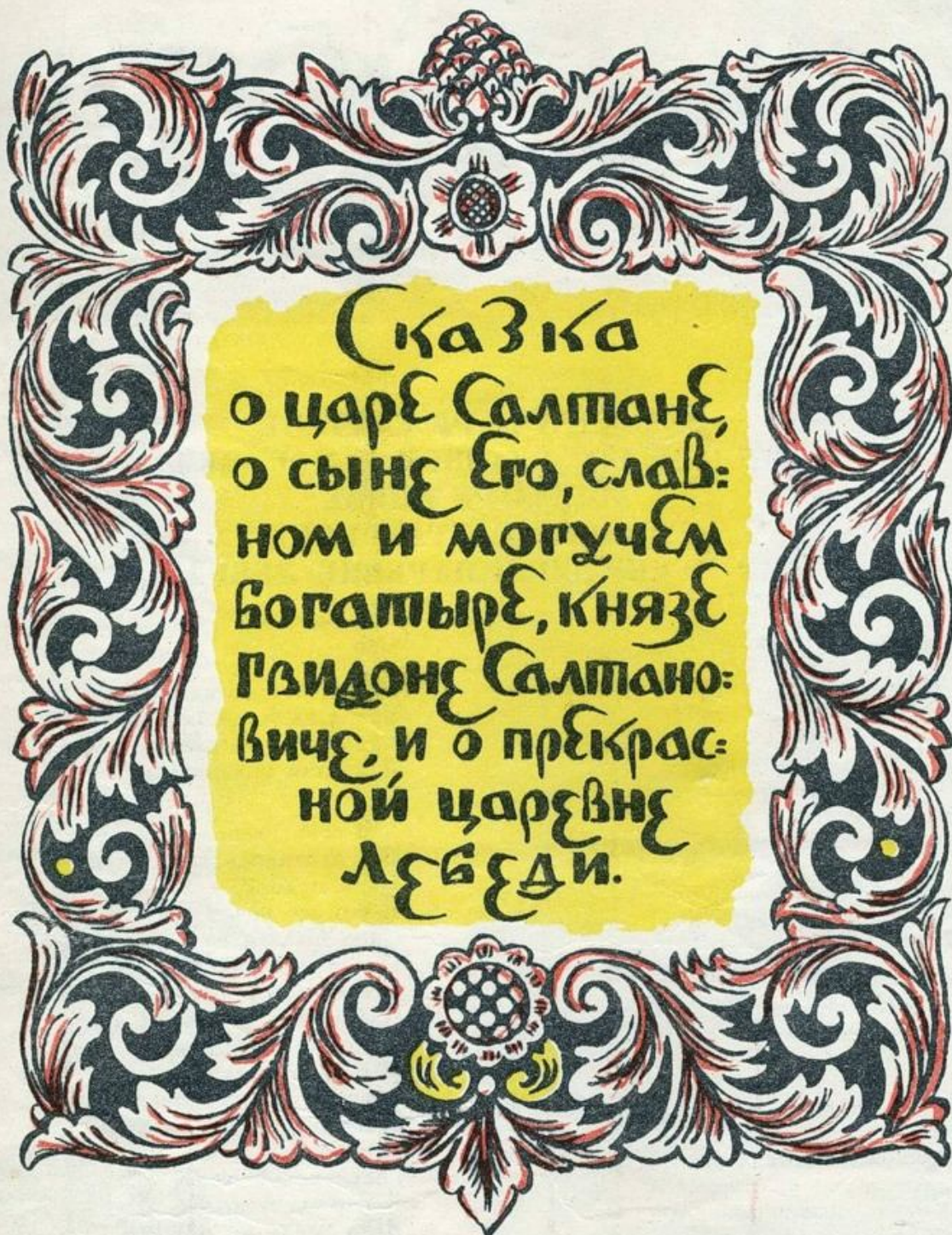

Рисунки Н. Кочергина

1950

а.с. пушкин

Сказка
о царе Салтане,
о сыне его, славно-
м и могучем
богатыре, князе
Гвидоне Салтано-
виче, и о прекрас-
ной царевне
Лесбиди.

рисунки Н. Кочергина

ПУШКИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

1950

**СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ,
О СЫНЕ ЕГО СЛАВНОМ И МОГУЧЕМ
БОГАТЫРЕ КНЯЗЕ
ГВИДОНЕ САЛТАНОВИЧЕ
И О ПРЕКРАСНОЙ ЦАРЕВНЕ ЛЕБЕДИ**

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
„Кабы я была царица, —
Говорит одна девица, —
То на весь крещеный мир
Приготовила б я пир“. —
„Кабы я была царица, —
Говорит ее сестрица, —
То на весь бы мир одна
Наткала я полотна“. —
„Кабы я была царица, —
Третья молвила сестрица, —
Я б для батюшки-царя
Родила богатыря“.

Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрипела,
И в светлицу входит царь,
Стороны той государь.
Во всё время разговора
Он стоял позадь забора;
Речь последней по всему
Полюбилася ему.
„Здравствуй, красная девица, —
Говорит он, — будь царица
И роди богатыря
Мне к исходу сентября.
Вы ж, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь из светлицы,

Поезжайте вслед за мной,
Вслед за мной и за сестрой:
Будь одна из вас ткачиха,
А другая повариха“.

В сени вышел царь-отец.
Все пустились во дворец.
Царь недолго собирался:
В тот же вечер обвенчался.
Царь Салтан за пир честной
Сел с царицей молодой;
А потом честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодых
И оставили одних.
В кухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха,
И завидуют оне
Государевой жене.
А царица молодая,
Дела вдаль не отлагая,
С первой ночи понесла.

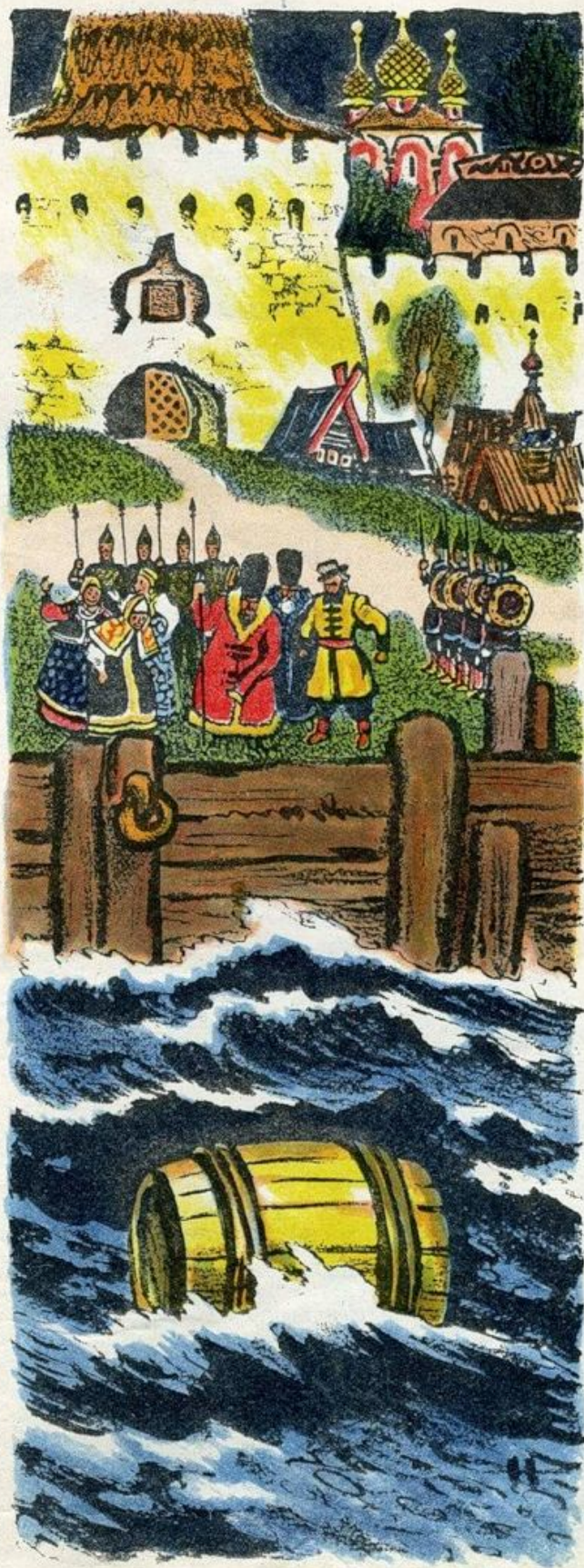
В те-поры война была.
Царь Салтан, с женой простясь,
На добра-коня садясь,
Ей наказывал себя
Побережь, его любя.

Между тем, как он далёко
 Бьется долго и жестоко,
 Наступает срок родин;
 Сына бог им дал в аршин,
 И царица над ребенком,
 Как орлица над орленком;
 Шлет с письмом она гонца,
 Чтоб обрадовать отца.
 А ткачиха с поварихой,
 С сватьей бабой Бабарихой
 Извести ее хотят,
 Перенять гонца велят;
 Сами шлют гонца другого
 Вот с чем от слова до слова:
 „Родила царица в ночь
 Не то сына, не то дочь;
 Не мышонка, не лягушку,
 А неведому зверюшку“.

Как услышал царь-отец,
 Что донес ему гонец,
 В гневе начал он чудесить
 И гонца хотел повесить;
 Но, смягчившись на сей раз,
 Дал гонцу такой приказ:
 „Ждать царева возвращенья
 Для законного решения“.

Едет с грамотой гонец,
 И приехал наконец.
 А ткачиха с поварихой,
 С сватьей бабой Бабарихой,
 Обобратить его велят;
 Допьяна гонца поят
 И в суму его пустую
 Суют грамоту другую —
 И привез гонец хмельной
 В тот же день приказ такой:
 „Царь велит своим боярам,
 Времени не тратя даром,
 И царицу и приплод
 Тайно бросить в бездну вод“.
 Делать нечего: бояре,
 Потужив о государе
 И царице молодой,
 В спальню к ней пришли толпой.
 Объявили царску волю —
 Ей и сыну злую долю,
 Прочитали вслух указ,
 И царицу в тот же час
 В бочку с сыном посадили,
 Засмолили, покатали
 И пустили в Окиян —
 Так велел-де царь Салтан.

В синем небе звезды блещут,
 В синем море волны хлещут;
 Туча по небу идет,

Бочка по морю плавает.
 словно горькая вдовица,
 Плачет, бьется в ней царица;
 И растет ребенок там
 Не по дням, а по часам.
 День прошел, царица вопит...
 А дитя волну торопит:
 „Ты, волна моя, волна!
 Ты гульлива и вольна;
 Плещешь ты, куда захочешь,
 Ты морские камни точишь,
 Топишь берег ты земли,
 Подымаешь корабли —
 Не губи ты нашу душу:
 Выплесни ты нас на сушу!“
 И послушалась волна:
 Тут же на берег она
 Бочку вынесла легонько
 И отхлынула тихонько.
 Мать с младенцем спасена;
 Землю чувствует она.
 Но из бочки кто их вынет?
 Бог неужто их покинет?
 Сын на ножки поднялся,
 В дно головкой уперся,
 Понатужился немножко:
 „Как бы здесь на двор окошко
 Нам проделать?“ — молвил он,
 Вышиб дно и вышел вон.

Мать и сын теперь на воле;
 Видят холм в широком поле,
 Море синее кругом,
 Дуб зеленый над холмом.
 Сын подумал: добрый ужин
 Был бы нам однако нужен.
 Ломит он у дуба сук
 И в тугой сгибает лук,

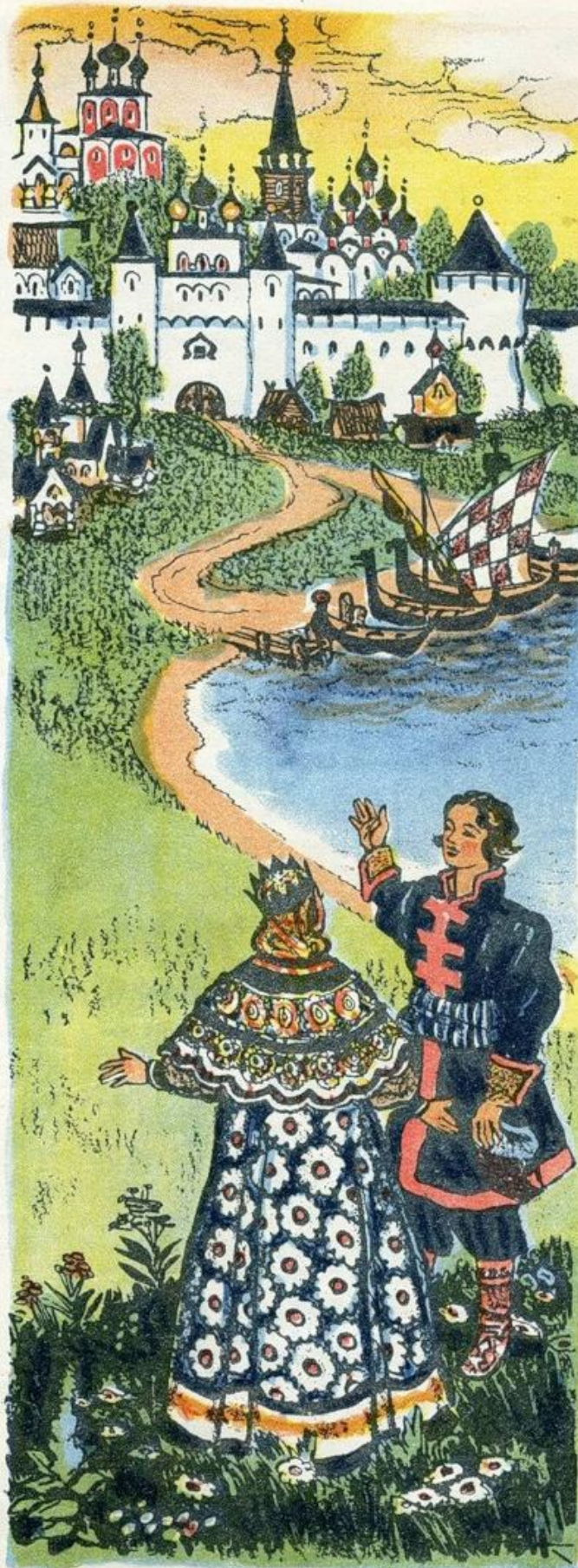
Со креста снурок шелковый
 Натянул на лук дубовый,
 Тонку тросточку сломил,
 Стрелкой легкой заострил,
 И пошел на край долины
 У моря искать дичины.

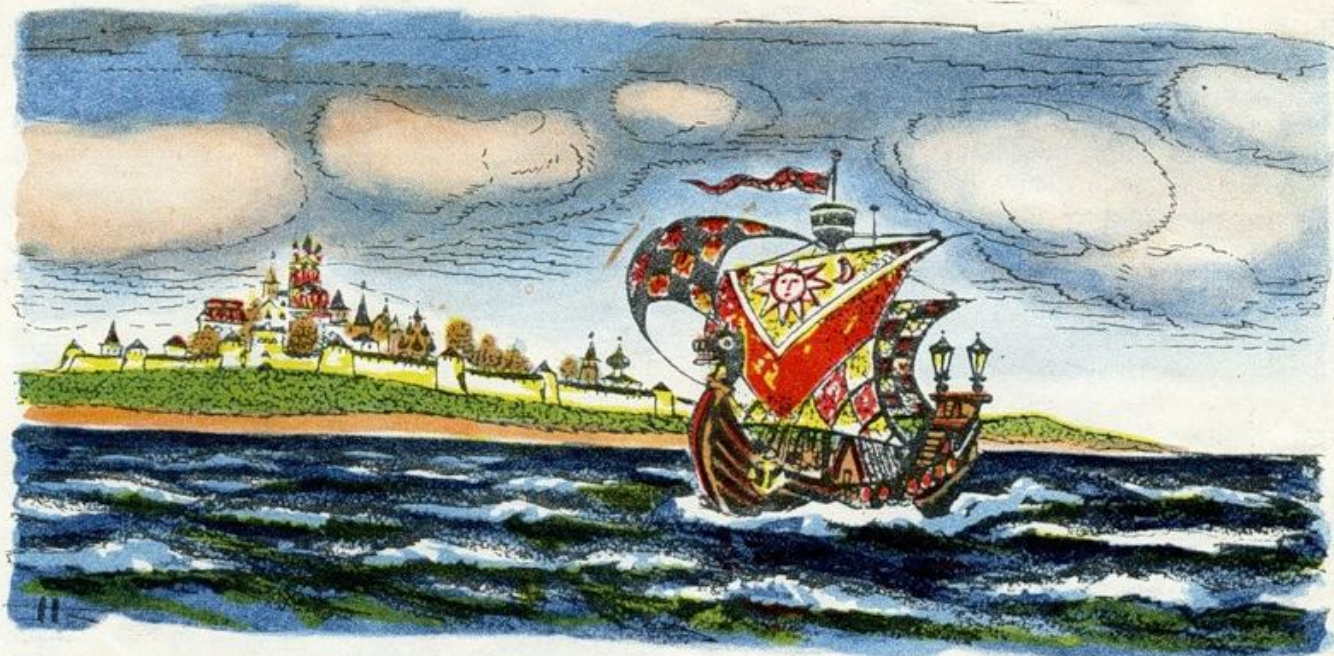
К морю лишь подходит он,
 Вот и слышит будто стон...
 Видно на море не тихо;
 Смотрит — видит дело лихо:
 Бьется лебедь средь зыбей,
 Коршун носится над ней;
 Та бедняжка так и плещет,
 Воду вокруг мутит и хлещет..
 Тот уж когти распустил,
 Клёв кровавый наострил...
 Но как раз стрела запела,
 В шею коршуна задела —
 Коршун в море кровь пролил,
 Лук царевич опустил;
 Смотрит: коршун в море тонет
 И не птичьим криком стонет,
 Лебедь около плавает,
 Злого коршуна клюет,
 Гибель близкую торопит,
 Бьет крылом и в море топит —
 И царевичу потом
 Молвит русским языком:
 „Ты, царевич, мой спаситель,
 Мой могучий избавитель,
 Не тужи, что за меня
 Есть не будешь ты три дня,
 Что стрела пропала в море;
 Это горе — всё не горе.
 Отплачу тебе добром,
 Сослужу тебе потом:
 Ты не лебедь ведь избавил,

Девицу в живых оставил;
 Ты не коршуна убил,
 Чародея подстрелил.
 Ввек тебя я не забуду:
 Ты найдешь меня повсюду,
 А теперь ты воротись,
 Не горюй и спать ложись".

Улетела лебедь-птица,
 А царевич и царица,
 Целый день проведши так,
 Лечь решили натошак. —
 Вот открыл царевич очи;
 Отрясая грезы ночи
 И дивясь, перед собой
 Видит город он большой,
 Стены с частыми зубцами
 И за белыми стенами
 Блещут маковки церквей
 И святых монастырей. —
 Он скорей царицу будит;
 Та как ахнет!.. „То ли будет? —
 Говорит он, — вижу я:
 Лебедь тешится моя".
 Мать и сын идут ко граду.
 Лишь ступили за ограду,
 Оглушительный трезвон
 Поднялся со всех сторон:
 К ним народ навстречу валит,
 Хор церковный бога хвалит;
 В колымагах золотых
 Пышный двор встречает их;
 Все их громко величают
 И царевича венчают
 Княжей шапкой, и главой
 Возглашают над собой —
 И среди своей столицы,
 С разрешения царицы,
 В тот же день стал княжить он
 И нарекся: князь Гвидон.

Ветер на море гуляет
 И кораблик подгоняет;
 Он бежит себе в волнах
 На раздутых парусах.
 Корабельщики дивятся,
 На кораблике толпятся,
 На знакомом острове
 Чудо видят наяву:
 Город новый златоглавый,
 Пристань с крепкою заставой —
 Пушки с пристани палат,
 Кораблю пристать велят.
 Пристают к заставе гости;
 Князь Гвидон зовет их в гости,
 Их он кормит и поит
 И ответ держать велит:

„Чем вы, гости, торг ведете,
И куда теперь плывете?“
Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...“
Князь им вымолвил тогда:
„Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
От меня ему поклон“.
Гости в путь, а князь Гвидон
С берега душой печальной
Провожает бег их дальний;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?“ —
Говорит она ему.
Князь печально отвечает:
„Грусть-тоска меня съедает,
Одолела молодца:
Видеть я б хотел отца“.
Лебедь князю: „Вот в чем горе!
Ну, послушай: хочешь в море
Полететь за кораблем?
Будь же, князь, ты комаром“.
И крылами замахала,
Воду с шумом расплескала
И обрызгала его
С головы до ног — всего.

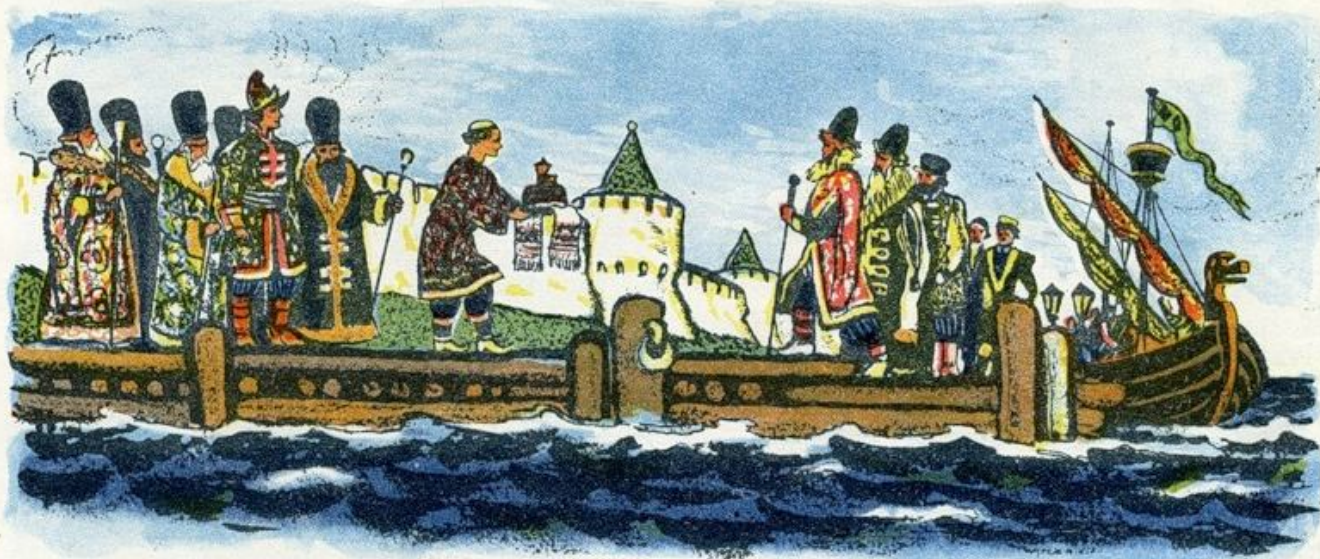
Тут он в точку уменьшился,
Комаром оборотился,
Полетел и запищал,
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корабль — и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна. —
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице;
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят
И в глаза ему глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
„Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?
И какое в свете чудо?“
Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
В море остров был крутой,

Не привальный, не жилой;
 Он лежал пустой равниной;
 Рос на нем дубок единый;
 А теперь стоит на нем
 Новый город со дворцом,
 С златоглавыми церквами,
 С теремами и садами,
 А сидит в нем князь Гвидон;
 Он прислал тебе поклон".
 Царь Салтан дивится чуду;
 Молвит он: „Коль жив я буду,
 Чудный остров навещу,
 У Гвидона погощу".
 А ткачиха с поварихой,
 С сватьей бабой Бабарихой,
 Не хотят его пустить
 Чудный остров навестить.
 „Уж диковинка, ну право, —
 Подмигнув другим лукаво,
 Повариха говорит: —
 Город у моря стоит!
 Знайте, вот что не безделка:
 Ель в лесу, под елью белка,
 Белка песенки поет
 И орешки всё грызет,
 А орешки не простые,
 Всё скорлупки золотые,
 Ядра — чистый изумруд;
 Вот что чудом-то зовут".
 Чуду царь Салтан дивится,
 А комар-то злится, злится —
 И впился комар как раз
 Тетке прямо в правый глаз.
 Повариха побледнела,
 Обмерла и окривела.
 Слуги, сватья и сестра
 С криком ловят комара.
 „Распроклятая ты мошка!
 Мы тебя!.." А он в окошко,
 Да спокойно в свой удел
 Через море полетел.

Снова князь у моря ходит,
 С синя моря глаз не сводит;
 Глядь — поверх текучих вод
 Лебедь белая плывет.
 „Здравствуй, князь ты мой
 прекрасный!
 Что ж ты тих, как день ненастный?
 Опечалился чему?" —
 Говорит она ему.
 Князь Гвидон ей отвечает:
 „Грусть-тоска меня съедает;
 Чудо чудное завестъ
 Мне б хотелось. Где-то есть
 Ель в лесу, под елью белка;
 Диво, право, не безделка —
 Белка песенки поет,

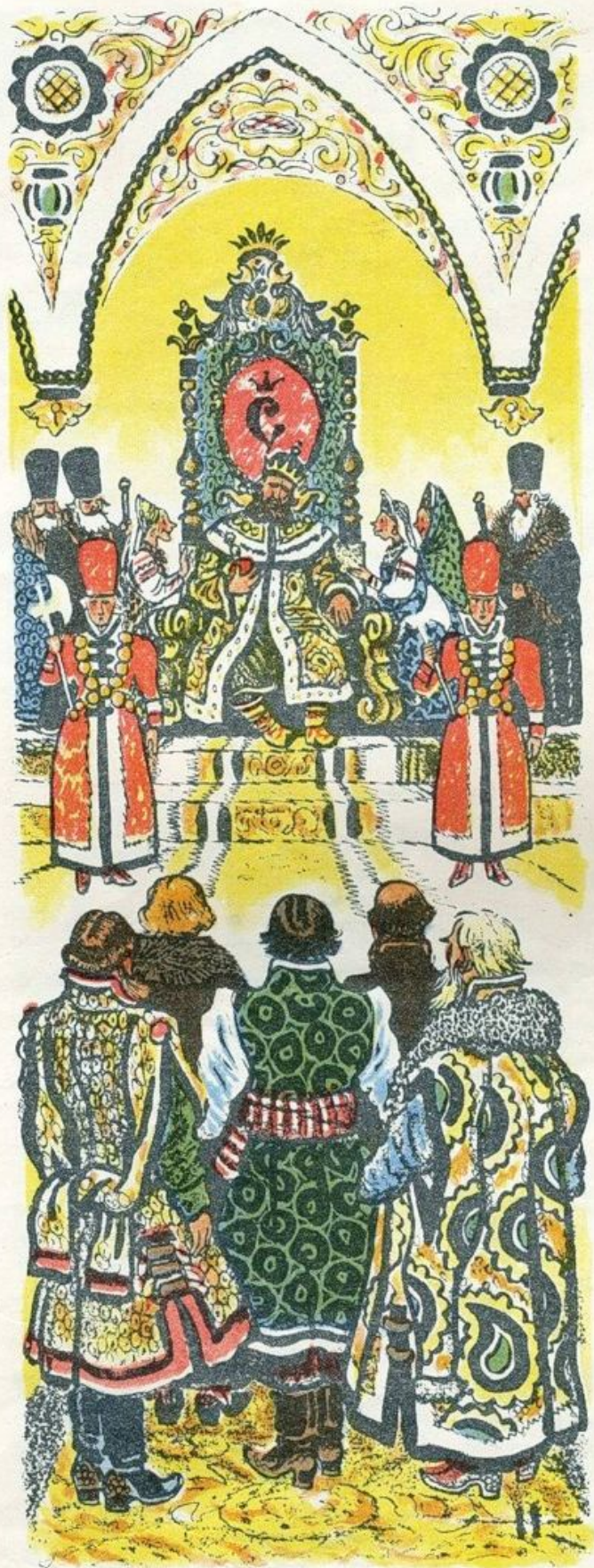
Да орешки всё грызет,
 А орешки не простые,
 Всё скорлупки золотые,
 Ядра — чистый изумруд;
 Но, быть может, люди врут".
 Князю лебедь отвечает:
 "Свет о белке правду бает;
 Это чудо знаю я;
 Полно, князь, душа моя,
 Не печалься; рада службу
 Оказать тебе я в дружбу".
 С ободренною душой
 Князь пошел себе домой;
 Лишь ступил на двор широкой —
 Что ж? под елкою высокой,
 Видит, белочка при всех
 Золотой грызет орех,
 Изумрудец вынимает,
 А скорлупку собирает,
 Кучки равные кладет,
 И с присвисточкой поет
 При честном, при всем народе:
Во саду ли, в огороде.
 Изумился князь Гвидон.
 "Ну, спасибо, — молвил он: —
 Ай да лебедь — дай ей боже,
 Что и мне, веселье то же".
 Князь для белочки потом
 Выстроил хрустальный дом.
 Караул к нему приставил
 И притом дьяка заставил
 Строгий счет орехам вести
 Князю прибыль, белке честь.

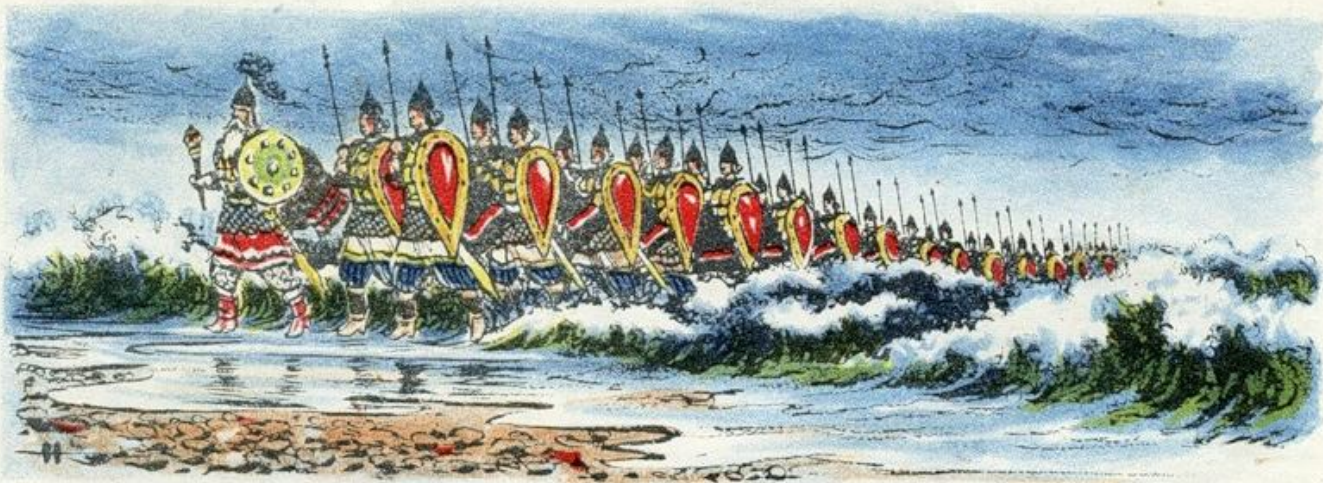
Ветер по морю гуляет
 И кораблик подгоняет;
 Он бежит себе в волнах
 На поднятых парусах

Мимо острова крутого,
 Мимо города большого;
 Пушки с пристани палят,
 Кораблю пристать велят.
 Пристают к заставе гости;
 Князь Гвидон зовет их в гости,
 Их и кормит и поит
 И ответ держать велит:
 "Чем вы, гости, торг ведете,
 И куда теперь плывете?"
 Корабельщики в ответ:
 "Мы объехали весь свет,
 Торговали мы конями,
 Всё донскими жеребцами,
 А теперь нам вышел срок —
 И лежит нам путь далек:
 Мимо острова Буяна,
 В царство славного Салтана..."
 Говорит им князь тогда:
 "Добрый путь вам, господа,
 По морю по Окиану
 К славному царю Салтану;
 Да скажите: князь Гвидон
 Шлет царю-де свой поклон".

Гости князю поклонились,
 Вышли вон и в путь пустились.
 К морю князь — а лебедь там
 Уж гуляет по волнам.
 Молит князь: душа-де просит,
 Так и тянет и уносит...
 Вот опять она его
 Вмиг обрызгала всего:
 В муху князь оборотился,
 Полетел и опустился
 Между моря и небес
 На корабль — и в щель залез.

Ветер весело шумит,
 Судно весело бежит
 Мимо острова Буяна,
 В царство славного Салтана —
 И желанная страна
 Вот уж издали видна;
 Вот на берег вышли гости;
 Царь Салтан зовет их в гости,
 И за ними во дворец
 Полетел наш удалец.
 Видит: весь сияя в злате,
 Царь Салтан сидит в палате
 На престоле и в венце,
 С грустной думой на лице.
 А ткачиха с Бабарихой
 Да с кривою поварихой
 Около царя сидят,
 Злыми жабами глядят.
 Царь Салтан гостей сажает
 За свой стол и вопрошает:
 „Ой вы, гости-господа,
 Долго ль ездили? куда?
 Ладно ль за морем иль худо,
 И какое в свете чудо?“
 Корабельщики в ответ:
 „Мы объехали весь свет;
 За морем житье не худо;
 В свете ж вот какое чудо:
 Остров на море лежит,
 Град на острове стоит
 С златоглавыми церквами,
 С теремами да садами;
 Ель растет перед дворцом,
 А под ней хрустальный дом;
 Белка там живет ручная,
 Да затейница какая!
 Белка песенки поет,
 Да орешки всё грызет,
 А орешки не простые,
 Всё скорлупки золотые,
 Ядра — чистый изумруд;
 Слуги белку стерегут,
 Служат ей прислугой разной —
 И приставлен дьяк приказный
 Строгий счет орехам весть;
 Отдает ей войско честь,
 Из скорлупок льют монету
 Да пускают в ход по свету;
 Девки сыплют изумруд
 В кладовые, да подспуд;
 Все в том острове богаты,
 Изоб нет, везде палаты;
 А сидит в нем князь Гвидон;
 Он прислал тебе поклон“.
 Царь Салтан дивится чуду.
 „Если только жив я буду,
 Чудный остров навещу,
 У Гвидона погощу“.

А ткачиха с поварихой,
 С сватьей бабой Бабарихой,
 Не хотят его пустить
 Чудный остров навестить.
 Усмехнувшись исподтиха,
 Говорит царю ткачиха:
 „Что тут дивного? ну, вот!
 Белка камушки грызет,
 Мечет золото и в груды
 Загребает изумруды;
 Этим нас не удивишь,
 Правду ль, нет ли, говоришь.
 В свете есть иное диво:
 Море вздуется бурливо,
 Закипит, подымет вой,
 Хлынет на берег пустой,
 Разольется в шумном беге,
 И очутятся на бреге,
 В чешуе, как жар горя,
 Тридцать три богатыря,
 Все красавцы удалые,
 Великаны молодые,
 Все равны, как на подбор,
 С ними дядька Черномор.
 Это диво, так уж диво,
 Можно молвить справедливо!“
 Гости умные молчат,
 Спорить с нею не хотят.
 Диву царь Салтан дивится,
 А Гвидон-то злится, злится...
 Зажужжал он и как раз
 Тетке сел на левый глаз;
 И ткачиха побледнела:
 „Ай!“ и тут же окривела;
 Все кричат: „Лови, лови,
 Да давай ее, дави...
 Вот уж! постой немножко,
 Погоди...“ А князь в окошко,
 Да спокойно в свой удел
 Через море прилетел!

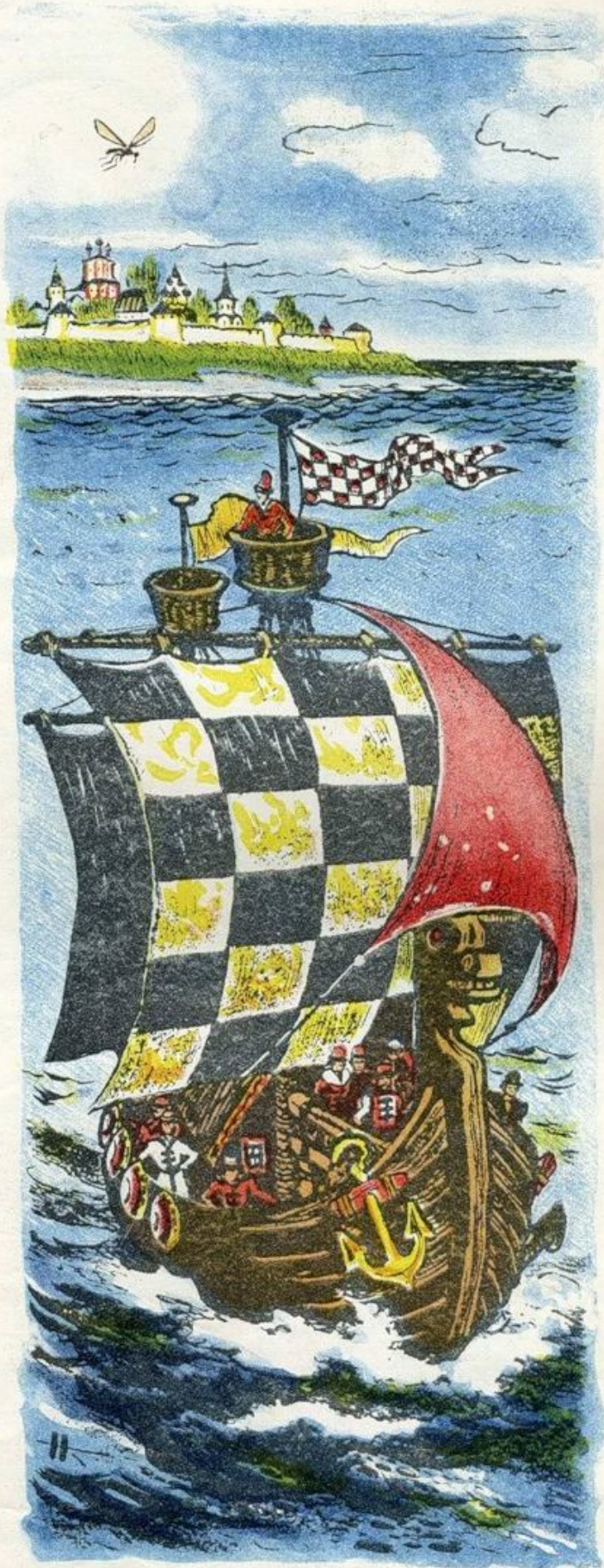
Князь у синя моря ходит,
 С синя моря глаз не сводит;
 Глядь — поверх текучих вод
 Лебедь белая плывет.
 „Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
 Что ты тих, как день ненастный?
 Опечалился чему?“ —
 Говорит она ему.
 Князь Гвидон ей отвечает:
 „Грусть-тоска меня съедает —
 Диво б дивное хотел
 Перенести я в мой удел“.
 — „А какое ж это диво?“
 — „Где-то вздуется бурливо
 Окиян, подымет вой,
 Хлынет на берег пустой,
 Расплеснется в шумном беге,
 И очутятся на бреге,
 В чешуе, как жар горя,
 Тридцать три богатыря,
 Все красавцы молодые,
 Великаны удалые,
 Все равны, как на подбор,
 С ними дядька Черномор“.
 Князю лебедь отвечает:
 „Вот что, князь, тебя смущает?
 Не тужи, душа моя,
 Это чудо знаю я.
 Эти витязи морские
 Мне ведь братья все родные.
 Не печалься же, ступай,
 В гости братьев поджидай“.

Князь пошел, забывши горе,
 Сел на башню, и на море
 Стал глядеть он; море вдруг
 Всколыхалось вокруг,
 Расплескалось в шумном беге
 И оставило на бреге
 Тридцать три богатыря;

В чешуе, как жар горя,
Идут витязи четами,
И блистая сединами
Дядька впереди идет
И ко граду их ведет.
С башни князь Гвидон сбегает,
Дорогих гостей встречает;
Второпях народ бежит;
Дядька князю говорит:
„Лебедь нас к тебе послала
И наказом наказала
Славный город твой хранить
И дозором обходить.
Мы отныне ежедневно
Вместе будем непременно
У высоких стен твоих
Выходить из вод морских.
Так увидимся мы вскоре,
А теперь пора нам в море,
Тяжек воздух нам земли“.
Все потом домой ушли.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
„Чем вы, гости, торг ведете?
И куда теперь плывете?“
Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет;
Торговали мы булатом,
Чистым серебром и златом,
И теперь нам вышел срок;
А лежит нам путь далек,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана“.
Говорит им князь тогда:
„Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану.
Да скажите ж: князь Гвидон
Шлет-де свой царю поклон“.

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь, а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Князь опять: душа-де просит...
Так и тянет, и уносит...
И опять она его
Вмиг обрызгала всего.

Тут он очень уменьшился,
Шмелем князь оборотился,
Полетел и зажужжал;
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корму — и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит, весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят —
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
„Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?“
Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
Каждый день идет там диво:
Море вздуется бурливо,

Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге —
И останутся на бреге
Тридцать три богатыря,
В чешуе златой горя,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор;
Старый дядька Черномор
С ними из моря выходит
И попарно их выводит,
Чтобы остров тот хранить
И дозором обходить —
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А сидит там князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон“.
Царь Салтан дивится чуду.
„Коли жив я только буду,
Чудный остров навещу
И у князя погощу“.
Повариха и ткачиха
Ни гугу — но Бабариха,
Усмехнувшись говорит:
„Кто нас этим удивит?
Люди из моря выходят
И себе дозором бродят!
Правда ль бают или лгут,
Дива я не вижу тут.
В свете есть такие ль дива?
Вот идет молва правдива:
За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвести:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,

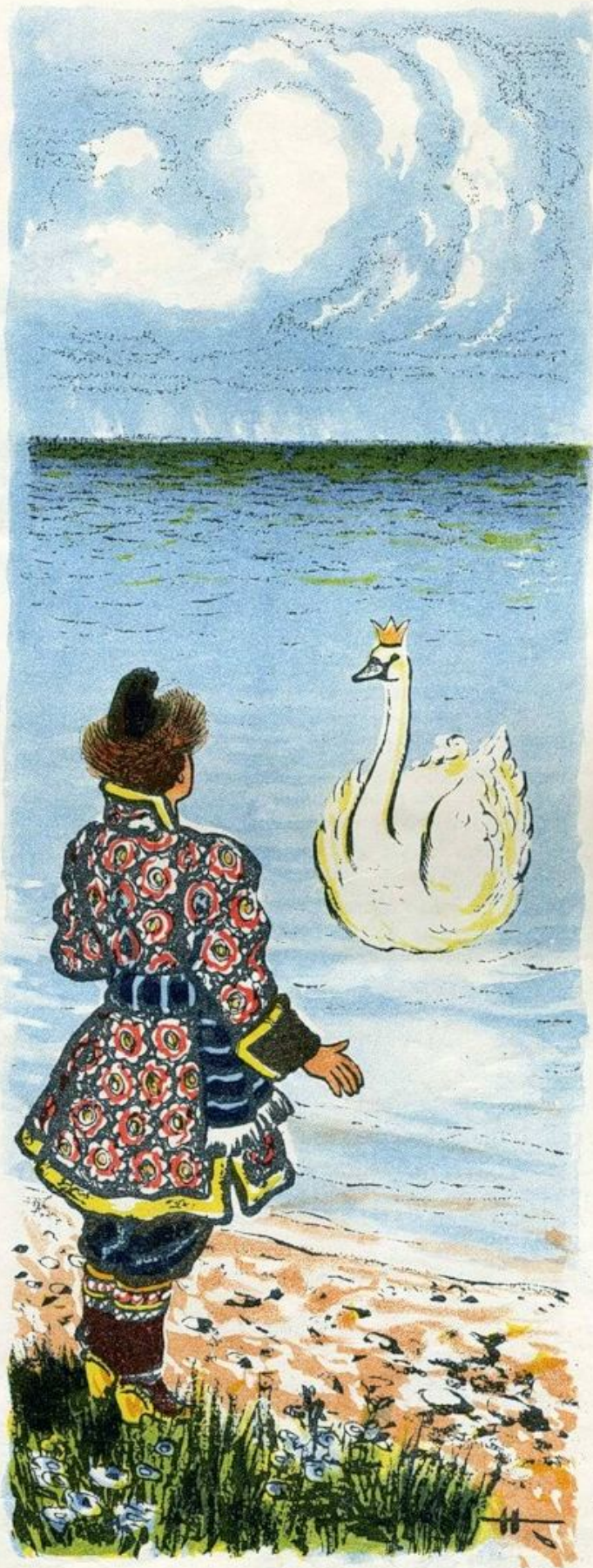
Выплывает, будто пава;
 А как речь-то говорит,
 Словно реченька журчит.
 Молвить можно справедливо,
 Это диво, так уж диво".
 Гости умные молчат:
 Спорить с бабой не хотят.
 Чуду царь Салтан дивится —
 А царевич хоть и злится,
 Но жалеет он очей
 Старой бабушки своей;
 Он над ней жужжит, кружится —
 Прямо на нос к ней садится,
 Нос ужалил богатырь:
 На носу вскочил волдырь.
 И опять пошла тревога:
 „Помогите, ради бога!
 Караул! лови, лови,
 Да дави его, дави...
 Вот уж! пожди немножко,
 погоди!..“ А шмель в окошко,
 Да спокойно в свой удел
 Через море полетел.

Князь у синя моря ходит,
 С синя моря глаз не сводит;
 Глядь — поверх текучих вод
 Лебедь белая плывет.
 „Здравствуй, князь ты мой

прекрасный!

Что ж ты тих, как день ненастный?

Опечалился чему? —
 Говорит она ему.
 Князь Гвидон ей отвечает:
 „Грусть-тоска меня съедает:
 Люди женятся: гляжу,
 Не женат лишь я хожу“. —
 — „А кого же на примете
 Ты имеешь?“ — „Да на свете,
 Говорят, царица есть,
 Что не можно глаз отвести.
 Днем свет божий затмевает,
 Ночью землю освещает —
 Месяц под косою блестит,
 А во лбу звезда горит.
 А сама-то величава,
 Выступает, будто пава;
 Сладку речь-то говорит,
 Будто реченька журчит.
 Только, полно, правда ль это?“
 Князь со страхом ждет ответа.
 Лебедь белая молчит
 И подумав говорит:
 „Да! такая есть девица.
 Но жена не рукавица:
 С белой ручки не стряхнешь,
 Да за пояс не заткнешь.
 Услужу тебе советом —

Слушай: обо всем об этом
 Пораздумай ты путем,
 Не раскаяться б потом".
 Князь пред нею стал божиться,
 Что пора ему жениться,
 Что об этом обо всем
 Передумал он путем;
 Что готов душою страстной
 За царевною прекрасной
 Он пешком идти отсель,
 Хоть за тридевять земель.
 Лебедь тут, вздохнув глубоко,
 Молвила: „Зачем далёко?
 Знай, близка судьба твоя,
 Ведь царевна эта — я".
 Тут она, взмахнув крылами,
 Полетела над волнами
 И на берег с высоты
 Опустилася в кусты,
 Встрепенулась, отряхнулась,
 И царевной обернулась:
 Месяц под косой блестит,
 А во лбу звезда горит;
 А сама-то величава,
 Выступает, будто пава;
 А как речь-то говорит,
 Словно реченька журчит.
 Князь царевну обнимает,
 К белой груди прижимает
 И ведет ее скорей
 К милой матушке своей.
 Князь ей в ноги, умолая:
 „Государыня-родная!
 Выбрал я жену себе,

Дочь послушную тебе.
 Просим оба разрешенья,
 Твоего благословенья:
 Ты детей благослови
 Жить в совете и любви".
 Над главою их покорной
 Мать с иконой чудотворной
 Слезы льет и говорит:
 „Бог вас, дети, наградит".
 Князь не долго собирался,
 На царевне обвенчался;
 Стали жить да поживать,
 Да приплода поджидать.

Ветер по морю гуляет
 И кораблик подгоняет;
 Он бежит себе в волнах
 На раздутых парусах
 Мимо острова крутого,
 Мимо города большого;
 Пушки с пристани палят,
 Кораблю пристать велят.
 Пристают к заставе гости,
 Князь Гвидон зовет их в гости,
 Он их кормит и поит
 И ответ держать велит:
 „Чем вы, гости, торг ведете,
 И куда теперь плывете?"
 Корабельщики в ответ:
 „Мы объехали весь свет,
 Торговали мы недаром
 Неуказанным товаром;
 А лежит нам путь далек:
 Восвояси на восток,

Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана".
Князь им вымолвил тогда:
„Добрый путь вам, господа,
По морю по Окиану
К славному царю Салтану;
Да напомнимте ему,
Государю своему:
К нам он в гости обещался,
А доселе не собрался —
Шлю ему я свой поклон".
Гости в путь, а князь Гвидон
Дома на сей раз остался
И с женою не расстался.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И знакомая страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости.
Гости видят: во дворце
Царь сидит в своем венце,
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят,
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
„Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?“
Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка в нем живет ручная,
Да чудесница какая!
Белка песенки поет,
Да орешки всё грызет;
А орешки не простые,
Скорлупы-то золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Белку холят, берегут.
Там еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге

И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор —
С ними дядька Черномор.
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А у князя женка есть,
Что не можно глаз отвести:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает;
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит.
Князь Гвидон тот город правит,
Всяк его усердно славит;
Он прислал тебе поклон,
Да тебе пеняет он:
К нам-де в гости обещался,
А доселе не собрался“.

Тут уж царь не утерпел,
Снарядить он флот велел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят царя пустить
Чудный остров навестить.
Но Салтан им не внимает
И как раз их унимает:
„Что я? царь или дитя? —
Говорит он не шутя: —
Нынче ж еду!“ — Тут он топнул,
Вышел вон и дверью хлопнул.

Под окном Гвидон сидит,
Молча на море глядит:
Не шумит оно, не хлещет,
Лишь едва, едва трепещет,
И в лазоревой дали
Показались корабли:
По равнинам Окияна
Едет флот царя Салтана.
Князь Гвидон тогда вскочил,
Громогласно возопил:
„Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Едет батюшка сюда“
Флот уж к острову подходит.
Князь Гвидон трубу наводит:
Царь на палубе стоит
И в трубу на них глядит;
С ним ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой;

Удивляются оне
Незнакомой стороне.
Разом пушки запалили;
В колокольнях зазвонили;
К морю сам идет Гвидон;
Там царя встречает он
С поварихой и ткачихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
В город он повел царя,
Ничего не говоря.

Все теперь идут в палаты:
У ворот блистают латы,
И стоят в глазах царя
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Царь вступил на двор широкой:
Там под елкою высокой
Белка песенку поет,
Золотой орех грызет,
Изумрудец вынимает
И в мешочек опускает;
И засеян двор большой
Золотою скорлупой.
Гости дале — торопливо
Смотрят — что ж? княгиня — диво:
Под косою луна блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава,
И свекровь свою ведет.
Царь глядит — и узнает...
В нем взыграло ретивое!
„Что я вижу? что такое?
Как!“ — и дух в нем занялся...
Царь слезами залился,
Обнимает он царицу
И сынка и молодницу,
И садятся все за стол;
И веселый пир пошел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Разбежались по углам;
Их нашли насилу там.
Тут во всем они признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустил всех трех домой.
День прошел — царя Салтана
Уложили спать вполпьяна.
Я там был; мед, пиво пил —
И усы лишь обмочил.

Редактор Л. Н. Назарова

Цена 3руб. 50коп.

